

ЯН СОЛОВИЧ

Золотой дождь

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод со словцкого Т. МИРОНОВОЙ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Микулаш Бенедик (Мики) — *председатель Городского национального комитета.*

Илья Бенедик — *его брат.*

Эва Бенедикова — *их мать.*

Вера — *журналистка.*

Тонка — *секретарь.*

Штефан — *директор химического завода.*

Валент — *председатель завкома.*

Виктор — *заведующий отделом строительства.*

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

События разворачиваются в одном из небольших городков южной Словакии. Кабинет председателя Городского национального комитета. Обстановка в нем отличается от обстановки кабинетов подобного типа тем, что здесь множество цветов в горшках и вазах, стоящих на подоконниках и вдоль стен. Даже на письменном столе председателя вместо лампы светятся желтые цветы — фонарики золотого дождя. Кусты его только что расцвели в городе, и букеты радуют глаз свежестью и яркостью маленьких цветков, похожих на золотые капельки.

Слева — дверь, ведущая из кабинета в приемную, справа — вход в конференц-зал. Из приемной в кабинет входит Тонка и с любопытством смотрит через полуоткрытые двери в конференц-зал, где под звуки свадебного марша, звучащего с довольно заиграивой пластинки, заканчивается торжественный акт бракосочетания.

Явление первое

Тонка и Мики.

Мики с переиннутой через плечо трехцветной широкой лентой останавливается в дверях, ведущих из конференц-зала в кабинет. Тонка быстро принимает из его рук документ, подает футляр, в который Мики кладет герб, и с любопытством смотрит на молодого председателя, которому больше бы пристало быть женихом, чем совершать обряд бракосочетания.

ТОНКА. Да, товарищ председатель! За те годы, что я работаю в национальном комитете, я многое повидала и многое переживала. Но вот такой свадьбы, как эта, мне еще не приходилось видеть. Как вы думаете, сколько лет этим обоим... вместе? МИКИ. Тонка, вы же знаете, что меня никогда не интересует возраст жениха и невесты.

ТОНКА. По-моему, не меньше ста тридцати. Для чего им надо жениться, хотела бы я знать... Да, вас уже ждут посетители.

МИКИ. Сейчас? Мы же договорились на три!

ТОНКА. Здесь ваш брат.

МИКИ. Илья?

ТОНКА. Но не один.

МИКИ. А с кем?

ТОНКА. С редакторшей.

МИКИ. С какой? Той, которую вы на прошлой неделе выпроводили?
ТОНКА. Выпроводила... потому что вы мне велели.
МИКИ. Вот хитрая девчонка. Нашла себе защитника. И не кого-нибудь, а нашего Илью.
ТОНКА. Что мне сказать ей?
МИКИ. Брат пусть войдет...
ТОНКА. А она?
МИКИ. Тонка, золотая вы моя! Вы же секретарь. А хороший секретарь всегда знает, что сказать нежелательным посетителям.
ТОНКА. Вам хорошо говорить.
МИКИ. Ну... Тонка!
ТОНКА. Ладно, ладно...

Явление второе

Илья и Мики.

ИЛЬЯ (в дверях). Привет, Мики! Что это значит?
МИКИ. Привет.
ИЛЬЯ. Ты действительно не хочешь ее принять? Что она тебе сделала, эта милая девушка? Как ты ведешь себя? Ты что тут культивируешь — неприкосновенность и экстерриториальность?
МИКИ. Успокойся, братец, и садись.
ИЛЬЯ. Не уходи от ответа. Может, ты думаешь, она будет приезжать к тебе десять раз?
МИКИ. Еще раз повторяю, сначала успокойся.
ИЛЬЯ. Мики?! Это невероятно! Высокий пост уже вскружил тебе голову.
МИКИ. Тебе это только кажется.
ИЛЬЯ. Если бы только казалось! Что это за стиль работы? Газета посылает к тебе своего редактора, молодую симпатичную девушку, чтобы она, поговорив с тобой, написала репортаж о самом молодом в республике председателе Городского национального комитета, а ты, сопляк эдакий, отказываешься ее принять?
МИКИ. Ну скажи, кому будет нужен такой репортаж?
ИЛЬЯ. Ой-ой-ой. Он еще и скромным прикидывается.
МИКИ. Подожди. Кто кем прикидывается, об этом еще поговорим, но сначала...
ИЛЬЯ. Прошу тебя, пойми. Она здесь просто выполняет свои служебные обязанности. Кто самый молодой в республике председатель? Ты! Тебя избрали, ты работаешь, город процветает, люди тебя любят. Зачем же тебе все это скрывать?
МИКИ. Да я и не скрываю.
ИЛЬЯ. Тогда почему же ты не хочешь с ней поговорить?
МИКИ. Потому что полагаю, что у нас должны были бы писать о других, более необходимых и более важных вещах, а не о моей персоне.
ИЛЬЯ. Но через тебя читатели увидят в ее репортаже этот город, людей, все, чем вы здесь живете.
МИКИ. Это она может сделать и без меня.
ИЛЬЯ. Мики, ну тебя, не смейся. Газете нужна фигура. Немножко сенсации. Такая статья по-другому читается...
МИКИ. А я не хочу, чтобы из меня делали кумира.
ИЛЬЯ. Это уж не твоя забота. А она пусть проявит свой журналистский талант.
МИКИ. Нет, не надо.
ИЛЬЯ. Мики! Я знаю, что ты упрямый.
МИКИ. Я — Бенедик, сын своего отца.
ИЛЬЯ. Разумеется. Держись своих убеждений. Кстати, для ее репортажа ты с твоими убеждениями — изумительный типаж. Молодой герой — просто как с картинки!
МИКИ. Знаешь что, Илья! Будем считать, что разговора этого не было.
ИЛЬЯ. Нет, так ты со мной не поступишь.
МИКИ. С тобой? Почему ты объединяешь себя с ней?
ИЛЬЯ. Ее зовут Вера.
МИКИ. Вера? Ну и что? А ты...
ИЛЬЯ. Знаешь, Мики... Если уж мы об этом заговорили... В конце концов мы — братья. Не имеет смысла утаивать.
МИКИ. Так ты...
ИЛЬЯ. Это вполне естественно, я бы даже сказал — обычно. Развожусь. Мой первый брак оказался неудачным.
МИКИ. А она?..
ИЛЬЯ. Кто? Вера?
МИКИ. Какое она имеет к этому отношение?
ИЛЬЯ. Какое отношение? Просто она меня поняла.
МИКИ. У меня всегда было такое предчувствие...
ИЛЬЯ. Я рад, что ты столь трезво смотришь на вещи. Надеюсь, что и мама...
МИКИ. Что мама?
ИЛЬЯ. Тоже поймет меня. Сегодня вечером я хочу ее познакомить с Верой.
МИКИ. А как дочка?
ИЛЬЯ. Она будет в этом большом и прекрасном мире не первой и не последней.

МИКИ. С разведенными родителями.

ИЛЬЯ. Прошу тебя, избегай меня от нравоучений. Ты же прекрасно знаешь, что в мещанской семье моей жены для меня не было места.

МИКИ. Твоя жена Катка никогда не была мещанкой.

ИЛЬЯ. Зато все остальные, окружающие ее... Ты, собственно говоря, должен был бы меня поздравить, что я еще вовремя одумался и решил уйти.

МИКИ. Но все же как с Эвочкой? Такой слазый ребенок! Как быть с ней?

ИЛЬЯ. Конечно, ее присудят матери, а не мне. Но я буду платить.

МИКИ. И не только платить! Насколько я тебя знаю, так ты еще будешь ходить с ней каждую вторую субботу в зоопарк, чтобы оказывать на нее свое благотворное отцовское влияние.

ИЛЬЯ. Хаэтит, Мики. В конце концов тебя это вообще не должно волновать. Я тебя не попрекал твоими старыми увлечениями. Познакомил ты нас с Магдой? Мы тебе ни слова не сказали. Привез ты нам с военной службы Власту? Мы и тут согласились.

МИКИ. С чем согласились? Я не женился ни на той, ни на другой.

ИЛЬЯ. Твое счастье. Знаешь, давай закончим этот разговор. Катка была моей женой, а Эва остается моим ребенком. О своих обязанностях я помню и уже все рассчитал.

МИКИ. Вот это прекрасно! Рассчитал! Об этом бы и надо было написать. О расчетах преуспевающего молодого человека, а не о заботах какого-то служащего в каком-то маленьком захолустном городишке. (Открывает дверь в приемную и приглашает.) Товарищ журналист! Пожалуйста, проходите!

ИЛЬЯ. Мики!

МИКИ. Что? Ты же хотел, чтобы я с ней поговорил.

ИЛЬЯ. Она здесь по работе.

МИКИ. Я тоже.

ИЛЬЯ. Мики!

МИКИ. Обещаю тебе, что это будет чисто служебный разговор.

ИЛЬЯ. Хорошо. Я могу остаться?

МИКИ. Лучше не надо.

ИЛЬЯ. Ладно. Только помни одно. Эту деушку...

МИКИ. Ты собираешься звести в нашу семью. Все понятно.

ИЛЬЯ. Послушай, братец. Если ты задумал что-либо недоброе, то лучше не зови ее сюда.

МИКИ. Положись на меня. (Обращаясь к секретарше, громко говорит.) Тонка! Приготовьте моему брату... чашечку кофе... Покрепче! Для успокоения нервов.

Явление третье

Те же и Вера.

Илья и Вера обмениваются быстрыми взглядами. Мики закрывает дверь за братом, идет через кабинет и садится за свой письменный стол. Вера стоит у дверей.

МИКИ (жестом предлагая ей сесть). Пожалуйста!

Вера молча смотрит на цветы.

МИКИ (после паузы). Как говорили у нас в старые времена: «Молчать, так дела не скончат».

ВЕРА. Простите. (Подходит к вазе с ветками золотого дождя, пробует расположить их по-своему.) Изумительный букет, но мне кажется, что ветки надо поставить по-другому.

МИКИ. Цветы — дело Тонкиных рук, а с ее вкусом лучше не спорить: это может плохо кончиться.

ВЕРА. Так это она презартила ваш кабинет в оранжерею?

МИКИ. Вам не нравится?

ВЕРА. Наоборот. Я очень люблю цветы.

МИКИ. Это значит...

ВЕРА. Что здесь у вас я чувствую себя, как в саду. Причем не в каком-нибудь, а в саду, полном золотого дождя. Боже милостивый! (Достает блокнот.) Это же прекрасное название!

МИКИ. Что?

ВЕРА (записывая). Или так: «Золотой дождь в кабинете председателя».

МИКИ. Прошу вас, спрячьте эти бумажки.

ВЕРА. Почему?

МИКИ. Я не люблю, когда... Ну, как бы вам это сказать? Когда пишут неправду.

ВЕРА. Какую неправду? Не только ваш кабинет, но и весь город буквально утопает в цветах, а такое в нашей области встретишь не часто. Уж не хотите ли вы сказать, что все это я придумала или увидела во сне?

МИКИ. Часть празды — еще не вся правда.

ВЕРА. Именно об этом я и хочу с вами поговорить. Вы должны рассказать мне правду. Всю правду о том, как удалось вам это чудо.

МИКИ. Пожалуйста, не бросайтесь такими словами и объясните, что вы имеете в виду.

ВЕРА. То, что не могут не видеть люди.

МИКИ. Например?

ВЕРА. Например... даже около мусорных ящиков у вас посажена сирень.

МИКИ. Ну и что же тут особенного?

ВЕРА. А то, что грязная бумага не летает по всей улице и люди не задыхаются от пыли.

МИКИ. Для этого нужно совсем немного: зеленые насаждения и трудолюбивые руки.

ВЕРА. Трава и руки были здесь и до вас, но годы шли, а цвести ничего не цвело. А тот горячий источник за городом? Не хотите ли вы сказать, что и к источнику вы не имеете никакого отношения?

МИКИ. Обнаружили его геолог, а то, что он оказался на нашей территории, в этом нет никакой моей заслуги.

ВЕРА. Только раньше теплый ручей тек в болота и никто не обращал на него внимания. А вы в прошлом году построили оранжерею.

МИКИ. Боже мой! Одна оранжерея — и сколько разговоров!

ВЕРА. Но ведь это факт, что при небольших капиталовложениях у вас город утопает в цветах, да вы еще и продаете их другим.

МИКИ. Скажите мне, чего вы о нас не знаете?

ВЕРА. Не знаю того, как вам все это удалось за столь короткое время. Вы ведь председателем здесь всего второй год.

МИКИ. Ну и кого это может интересовать?

ВЕРА. Хорошие примеры надо пропагандировать. Возможно, и другие пойдут по вашим стопам.

МИКИ. Прошу вас, уберите блокнот!

ВЕРА. Он вам действительно мешает? (Прячет блокнот.)

МИКИ. По каким стопам? Я не путешественник, не альпинист, не изобретатель. Я совершенно обыкновенный, нормальный человек, но, если вам так хочется, может быть, к каким-то вопросам я подхожу с несколько большей ответственностью, чем все остальные окружающие меня люди.

ВЕРА. Вы можете поделиться со мной вашими заботами?

МИКИ. Вам кажется, что это интересует еще кого-либо, кроме вас? А не хотели бы вы написать, например, о том, что наш славный химзавод является отцом и могильщиком этого города?

ВЕРА. Намекает на защиту окружающей среды? Почему бы нет? Сегодня это уже насущная задача. Может быть, вы не поверите, но наша газета действительно помогла разрешить не один сложный и запутанный вопрос.

МИКИ. В кроссвордах?

ВЕРА. А вы мне начинаете нравиться.

МИКИ. Да?

ВЕРА. Я люблю людей с чувством юмора. Но таких, к сожалению, немного.

МИКИ. Я с вами не согласен.

ВЕРА. Думаете что люди, с которыми я общаюсь, только и делают, что рассказывают анекдоты?

МИКИ. Наверяд ли И единственное, чего я не умею, так это рассказывать анекдоты.

ВЕРА. В самом деле?

МИКИ. Да. Ну, шутки в сторону. Нам нужно с вами поговорить об очень серьезных вещах.

ВЕРА (достает блокнот). С радостью и с большим вниманием буду вас слушать.

МИКИ. Полагаю, что это будет не очень приятный рассказ... И спрячьте, пожалуйста, ваш блокнот.

ВЕРА. Спрячу... Только вначале, прошу вас, будьте любезны подтвердить мне, по крайней мере, правильность основных данных. Родились здесь. Детство провели здесь. Здесь же закончили гимназию. Затем служили в Бржецлаве. После военной службы вернулись домой. Стали просветработником. После дополнительных выборов — депутатом национального комитета. С прошлого года — членом президиума и, наконец, председателем. Правильно?

МИКИ. Да, правильно. Но одно вы упустили. После окончания гимназии я не был принят...

ВЕРА. В институт. Мне это известно.

МИКИ. Почему же этого у вас там нет?

ВЕРА. Потому что я знаю, что с сентября вы учитесь на заочном экономическом отделении...

Явление четвертое

Те же и Тонка.

ТОНКА (появляется в дверях и громко говорит). Товарищ председатель! Товарищи с химзавода уже здесь.

МИКИ. Хорошо. Пусть войдут. Скажите, что я их жду.

ВЕРА. А я?..

МИКИ. Но они пришли в назначенное время.

ВЕРА. Вы мне сказали, что хотите поговорить со мной об очень серьезных вещах.

МИКИ. Да. Хотел...

ВЕРА. Тогда я подожду, пока они уйдут.

МИКИ. Вам придется долго ждать.

ВЕРА. Может быть, вы назовете мне другое время, а я смогу...

МИКИ. Нет. Лучше не надо.

ВЕРА. Почему жё?

МИКИ. Об этих вещах вы все равно ничего не сможете написать.

ВЕРА. Не понимаю.

МИКИ. Вот и прекрасно. (Прощаясь, подает ей руку.)

ВЕРА. Нет... нет-нет...

Явление пятое

Те же и Штефан, Валент, Виктор.
Валент входит первый, за ним—Штефан и Виктор.

ВАЛЕНТ. Не нет, а да. Таких красивых посетительниц и я мог бы принимать, только молоденькие девушки теперь ко мне не ходят.

Вера немного удивлена, но не рассердилась.

ШТЕФАН. Красивый председатель — красивые посетительницы. Все логично.

ВАЛЕНТ (Виктору). Если вы собирались о нем что-либо узнать, то вам следовало бы прийти ко мне, потому что председатель сам ничего о себе не расскажет. Уж мы-то его знаем.

ВЕРА. Добрый совет дороже золота. Учту на будущее. (Уходит.)

ВАЛЕНТ (Виктору). Вот так-то! Получил, что хотел.

ВИКТОР. Да, такова современная молодежь!

МИКИ. Тонка! Приготовьте нам кофе. Вы знаете, кому какой.

ШТЕФАН. Не нужно. Мы тебя долго не задержим. У нас у каждого миллион дел.

ВАЛЕНТ (Мики). Говорят, ты сегодня регистрировал брак директора магазина «Мототехника» с поварихой из кафе «У трех сердец»?

ВИКТОР. Представьте себе! Ему до пенсии осталось, пожалуй, самое большее два года, да и она от него ненамного отстала.

МИКИ. Есть такая старая поговорка, что...

ВИКТОР. «Любовь не знает возраста».

ВАЛЕНТ. Но все же ты должен был испытывать странное чувство: регистрировать старцев, которые могли бы быть тебе бабушкой и дедушкой.

МИКИ. Сначала я хотел прочитать им одну из тех речей, которые у нас здесь подготавливаются. Потом решил: скажу-ка то, что подсказывает сердце. Действительно, это выглядело как пожелание внука. И мне показалось, что они остались довольны.

ШТЕФАН. Мне бы твои заботы!

МИКИ. Сдается, ты со своими заботами никак не совладаешь. А я уже по глазам научился читать, кого что тревожит.

ШТЕФАН. Это хорошо. Значит, без длинных речей сразу можем приступить к делу.

МИКИ. Вы пришли ко мне по поводу разрешения на строительство...

ШТЕФАН. Которое ты нам до сих пор отказываешься дать без серьезного на то обоснования.

МИКИ. Не знаю, может ли быть еще более серьезное обоснование, чем то, которое я вам привел.

ШТЕФАН. Пойми, оно выглядит смехотворным.

МИКИ. В служебных делах я еще не привык шутить. (Обращаясь к Виктору.) Товарищ заведующий, повторите мою формулировку.

ВИКТОР (после паузы). Городской национальный комитет отказывается дать разрешение химзаводу на строительство дома отдыха в районе теплого источника до тех пор, пока руководство завода не приступит к строительству яслей или детского сада в черте города.

МИКИ. Что в этом обосновании смехотворно?

ШТЕФАН. Не сердись, но это смешно.

МИКИ. Пожалуйста, посмейся!

ВАЛЕНТ. Ну-ну-ну! Еще не хватает, чтобы вы сцепились друг с другом, как мальчишки.

МИКИ. Если тут есть что-нибудь смешное, так и я охотно с тобой посмеюсь.

ШТЕФАН. Скажи мне, пожалуйста, к какому мудрецу ты ходишь за советами. Ведь это же...

МИКИ. Договаривай, не стесняйся. Как это, по-твоему, называется, когда какой-то чиновник национального комитета осмеливается предложить директору богатого и преуспевающего в городе предприятия более трезво взглянуть на то, что его окружает?

ШТЕФАН. Объясни мне, что все это значит? Ведь я к тебе пришел решать не производственные проблемы.

МИКИ. В самом деле? Хочешь, я сейчас достану из стола письма? Одно, два, три... да сколько угодно... и в каждом из них просьбы твоих рабочих и сотрудников о месте в яслях.

ШТЕФАН. Ну, это уж явная демагогия.

МИКИ. Может, ты скажешь, что все эти письма — моя выдумка? А я ежедневно вынужден отвечать людям, что у меня нет места в яслях.

ШТЕФАН. Да, эти люди действительно мои работники, но, с другой стороны, они — твои граждане.

ВАЛЕНТ. Верно. Все они — наши люди.

МИКИ. Тебя, товарищ Валент, я понимаю. Ты здесь в самом трудном положении: для меня ты — член городской партийной организации, а для него — его заместитель и председатель завкома химзавода. Тебе известно положение в городе, и ты знаешь намерения и устремления своего директора. Ты можешь быть только на одной стороне. А на какой? Пусть подскажет тебе твоя совесть.

ВАЛЕНТ. Ты сейчас как две капли воды похож на своего отца.

ВИКТОР. А что, если бы мы попытались найти компромиссное решение?

МИКИ. В данной ситуации я — против.

ВИКТОР. Правильная политика не исключает этой формы решения.

ШТЕФАН. Помилуйте, какие компромиссы? У меня на заводе есть свои задачи, определенные мне государством, и я не обязан выполнять предвыборные обещания, данные членами национального комитета избирателям.

МИКИ. Свои обещания мы выполняли и выполняем. Ты это прекрасно знаешь. И не только на сто процентов, но и больше.

ШТЕФАН. В таком случае построить одни несчастные ясельки — это не проблема для национального комитета.

МИКИ. Но ты ведь знаешь, что мы уже построили одни. А при тех средствах, которыми я располагаю, мне приходится думать и о других вложениях, необходимых для процветания города. Так что при тех возможностях, которые есть у тебя, эти несчастные ясельки не должны были бы доводить тебя до бешенства.

ШТЕФАН. Скажи мне, кто здесь бешеный?

МИКИ. Извини. Это я так, к слову пришлось.

ШТЕФАН. Давай поговорим откровенно, как мужчина с мужчиной. Я охотно устранился бы от одного неприятного дела.

МИКИ. Я до сих пор не устранился ни от одного.

ШТЕФАН. Только не рассчитывай на то, что тебе удастся подвинуть меня на строительство яслей.

МИКИ. Хорошо. Знаешь пословицу? «У кого совесть чиста, у того подушка под головой не вертится». Так что желаю тебе спокойного сна.

ШТЕФАН (в с т а в т). Ты что же, выгоняешь меня?

ВАЛЕНТ. Товарищи! Я не согласен...

ШТЕФАН. Я спрашиваю, это твое последнее слово?

МИКИ. Если пожелаешь, я могу все снова повторить, разве что другими словами.

ВИКТОР. А если мы начнем с противоположного конца?

ВАЛЕНТ. Ну, что же, Виктор! Посоветуй нам. Ты старый строитель, специалист в таких делах.

ВИКТОР. Только меня больше никто не слушает...

ВАЛЕНТ. Ну говори, что ты там надумал. Больше голов — больше и умов.

ШТЕФАН. Раз ты так твердо стоишь на своем, то и я не хочу больше спорить. Если точка зрения городских органов такова, что они возражают против строительства заводского дома отдыха для рабочих этого города, то пожалуйста... Мы наш разговор закончили. Будем искать взаимопонимания где-нибудь в другом месте. Хотя я знаю наперед, как к нам отнесутся другие товарищи, когда мы изложим им свою просьбу. Люди ищут место для отдыха, а тут рядом бьет источник, и пользуются им не люди, а утки.

ВАЛЕНТ. Что правда, то правда.

ШТЕФАН. Кроме того, товарищи, вы можете себе представить, что означала бы такая стройка для города? Золотой дождь тут цвел бы не раз в год, а падал бы с неба и зимой и летом.

ВИКТОР. Вполне возможно.

ШТЕФАН. А если бы здесь вырос курорт...

ВИКТОР. Весь район сбегался бы сюда. А если еще пустить слух, что источник не только горячий, но и целебный, то понаедет полреспублики.

МИКИ. Я уже представляю, как вы прогуливаетесь по колоннаде.

ВИКТОР (В а л е н т у). Он был бы не он, если бы не обратил все в шутку.

ШТЕФАН. Немножко заглядывать вперед никогда не вредно. Для этого, правда, нужен определенный жизненный опыт и, главное, широта взгляда.

МИКИ. Что ж, возможно, я слишком молод, мне не хватает опыта...

ШТЕФАН. Вот именно. И ты меня, немолодого человека, еще хочешь поучать.

МИКИ. А ты боишься, что станешь первым руководителем, которого на совещании

у генерального директора подымут на смех за то, что он сверх нормы построил одни ясли для детей своих рабочих!

ШТЕФАН. Дом отдыха мне нужен не для себя, не для моих детей, а для тех же самых рабочих, которые имеют право после тяжелой, изнурительной работы немного отдохнуть в приятной обстановке. Приди к нам хоть раз. Посмотри. Подыши аммиаком в цехе. Интересно, что ты скажешь после. Сам почувствуешь, как это сладко. Кроме того, те, что до меня возглавляли предприятие, людям многого обещали, да ничего не сделали. Я им дал слово, когда вступал в должность. Мы договорились, что выведем химзавод из заколдованного круга. И кое-что удалось изменить, хотя было нелегко. Сейчас химзавод процветает, и я не могу кормить людей обещаниями: мол, товарищи, подождите еще несколько лет, потому что нужно то да нужно это! Что люди обо мне подумают? У нас даже некогда бедные сельхозкооперативы понастроили дворцы по всей республике, только у нашего химзавода до сих пор нет ничего, потому что мы все силы бросили на выполнение производственного плана... Если уж эти аргументы на тебя не действуют, то посмотри статистику заводской поликлиники. Она должна произвести на тебя впечатление. Мы ее не публикуем по вполне понятным причинам, но здоровье человека...

МИКИ. Ты действительно убежден, что для счастья и здоровья наших граждан не хватает дома отдыха у горячего источника?

ШТЕФАН. О том, чего им хватает и чего не хватает,— решать не только нам с тобой.

МИКИ. Что касается меня, то я готов прийти на завод когда угодно, хоть завтра. Созови общее собрание, я выступлю и докажу рабочим, что со строительством дома отдыха еще можно подождать. Соберем всех жителей города, ты выступишь и объяснишь им, по каким причинам не хочешь согласиться с моим предложением.

ШТЕФАН. Ну, это нечестно. Не сердись, товарищ председатель, но времена таких методов давно прошли. С ними покончили еще наши предшественники. «Глас народа — глас божий» — это уже история.

МИКИ. Я общественного мнения не боюсь.

ШТЕФАН. Хочешь сказать, что я боюсь?

МИКИ. Я тебе предложил путь к разрешению общей задачи.

ШТЕФАН. К счастью, тебе задач передо мной еще не положено ставить.

ВАЛЕНТ. Хватит! Это же смех, да и только! Два таких замечательных руководителя, а договориться не могут. Что скажут о вас люди? Подумайте хоть об этом.

МИКИ. Товарищ Валент. Ты прекрасно знаешь, что говорят люди. Кому это вдруг так приспичило строить дом отдыха?

ШТЕФАН. Скажи, мне самому любопытно.

ВИКТОР. Божье мой... Сплетни... И можно ли до них опускаться?

ШТЕФАН. Конечно нет. Но если их воздействие столь велико, то, думаю, пришло время сказать все начистоту.

МИКИ. Если не возражаешь, я посвящу тебя в эти сплетни, чтобы уберечь и твою репутацию!

ШТЕФАН. Благодарствую. К счастью, у меня то преимущество, что я ни к чему не причастен и ни в чем не замешан.

МИКИ. Тем лучше. По крайней мере быстрее откажешься...

ШТЕФАН. Мне не от чего отказываться.

МИКИ. Земельные участки неподалеку от источника умудрились купить, еще до моего вступления в должность, оборотистые люди, чтобы построить там себе дачи. Пока никто из них еще не приступил к строительству, потому что все они ждут, когда поблизости начнется большая стройка...

ШТЕФАН (в скак и в а е т). Так вот в чем дело! Такие заявления переходят все границы! Ты подозреваешь меня в каких-то махинациях?

МИКИ. Ничего подобного я не сказал.

ШТЕФАН. Откуда все это у тебя берется? (Он опускается на стул, достает из кармана таблетки и начинает нервно разрывать целофан.)

Явление шестое

Те же и Тонка.

ТОНКА (появляясь в дверях с чашечками кофе на подносе). Я немного задержалась. С этой водой...

ВАЛЕНТ. Опять не течет?

ТОНКА. Течет, только...

МИКИ. Принесите побыстрее стакан воды товарищу директору.

Тонка выбегает, остальные берут себе кофе. Слышно лишь, как в тишине постукивают ложечки по фарфору.

ВИКТОР. Да... конечно... Так рассуждать, товарищ председатель, логика нехитрая. И все понятно. В нашем городе только то и останется, что мы сами построим.

МИКИ. Тонка? Где вода?

ШТЕФАН (глотаёт таблетку и запивает кофе). Спасибо. Уже не надо.

Тонка входит со стаканом мутно-коричневой воды на подносе, лицо у нее расстроенное.

ТОНКА. Не знаю... Не понимаю, в чем дело. Вот что течет из водопровода.

Все смотрят на стакан воды, который секретарша ставит на стол.

А кофе я сварила вам на минеральной воде.

ВАЛЕНТ (берет стакан). У нас дома уже вчера текла мутная вода.

ВИКТОР. О боже! (Берет у Валента стакан.) Этого нам еще не хватало. Там что-то случилось.

Звонит телефон. Тонка берет трубку, отдает ее Мики.

ТОНКА. Вас.

МИКИ. Слушаю... Да... Где? На насосной станции? Принимаете меры?.. Какие? Да, какие?.. Черт возьми! Что вы спрашиваете меня? Я же не специалист!.. Да. Иду. Конечно. (Кладет трубку.)

ВИКТОР. Кто звонил?

МИКИ. Механики. Это не неисправность, а авария. Прямо на насосной станции. Уже третий день мы пьем нефть. (Выбегает из кабинета.)

ТОНКА. Товарищ председатель! Куда вы? У нас же посетители... кофе...

Сцена погружается в темноту. Звучит музыка.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Через десять дней. Сцена та же.

Явление первое

Тонка и Мики.

ТОНКА (входит в кабинет с леечкой в руке и берет трубку телефона, который звонит). Алло! Нет. Еще не пришел. Скоро будет. Лучше не сейчас: у него совещание... с медработниками... До обеда. Что? Плохо вас слышу. Да санитарная комиссия. А что может быть более важным? Как вам не стыдно так спрашивать? Вы, очевидно, не понимаете, куда звоните. (Кладет трубку.) Нахал какой-то.

МИКИ (останавливается у дверей). Кого это вы так отчитываете, Тонка? С самого утра.

ТОНКА (немного удивлена, но быстро берет леечку и поливает цветы). Им хотелось бы, чтобы мы здесь работали и ночью.

МИКИ (заглядывает в лейку). Тонка! Что вы делаете?

ТОНКА. Надеюсь, вы понимаете, что цветы я не буду поливать водопроводной грязью.

МИКИ. Питьевую воду мы возим за пятнадцать километров. Каждый стакан воды — на вес золота. Мы сами издали строгие распоряжения и приказы, а вы вот как расходуете драгоценную жидкость. Люди стоят в очередях за водой.

ТОНКА Вам все надо видеть.

МИКИ Красным Крест здесь?

ТОНКА. Ждут вас. (Показывает на двери, ведущие в конференц-зал.)

МИКИ. Столько женщин, а такая тишина!

ТОНКА. Наверное им не до смеха.

МИКИ. Если позвонят из района, то соедините их с Виктором. Я оставил у него на столе все показатели на сегодняшний день. Сразу же после обеда пойду посмотрю как ведутся земляные работы. Для бригад добровольцев-шоферов есть плач работ. Если придет или позвонит мама...

ТОНКА. Что ей сказать?

МИКИ. Что сегодня ужинать я, наверное, буду дома.

ТОНКА. Вам очень повезло в одном отношении...

МИКИ. Знаю. Тонка, что вы имеете в виду. (Звонит телефон) Возьмите трубку, а я пойду, пока там не разбежались. (Идет в конференц-зал.)

ТОНКА. Алло! Да. Здесь, но на совещании. Кого? Заместителя? Он болен... уже давно. Я вас соединю с заведующим отделом строительства.

Явление второе

Виктор и Тонка.

ВИКТОР. Не соединяйте. Я здесь. (Берет трубку.) Виктор. Да. Чего нет? Воды? И вы мне сообщаете такую неожиданную новость?! Как? Не на чем готовить?

Откуда говорите? Из заводской столовой? Прошу вас, не кричите так в трубку, я вас прекрасно слышу. Да, понимаю. Шестьсот человек останутся без первого. Тяжелое положение! Но почему же вы утром не запаслись водой? Что? Не было машины? Хорошо... поможем... пошлем... (К падает трубку.) Тонка! Вы слышали? Нет воды для супа.

ТОНКА. Сейчас я найду к дежурному диспетчеру. Только что звонили из школы по тому же вопросу.

ВИКТОР. Да, влипли мы в историю. (Звонит телефон.) Тонка! Возьмите трубку!

ТОНКА. Да У телефона... Район?... Звонят из районного центра. Будете говорить вы. ВИКТОР. Я?

ТОНКА. Товарищ председатель оставил вам на столе все предписания.

ВИКТОР. На столе, на столе...

ТОНКА. Минуточку. Передаю трубку заведующему отделом строительства.

ВИКТОР. Алло! Здравствуйте, товарищ заместитель! Да, это я, Виктор. Ну, как тебе сказать. Пока держимся. Делаем все, что можем. Помощь нужна: по крайней мере, четыре цистерны. Не можем обеспечить все улицы. Когда? Если можно — прямо сейчас. Каждая минута дорога. Будем тебе очень благодарны. Да, да... Друг познается в беде. Это и я говорю. Алло? Да. Ах, вот что? Значит, ты звонишь по поводу труб? Нам нужно девятьсот пятьдесят метров. Да, километр. Что? Нет? Не может быть. Ты нас просто убиваешь. Мы на них так рассчитывали. Уже вырыли траншею. Что? Кто нам разрешил копать? Ну, знаешь... Я лучше позову председателя. Он здесь. На совещании. Подожди... Тонка! Попросите сюда председателя!

ТОНКА. Но ведь он...

ВИКТОР. Позовите! Тут дело очень серьезное.

ТОНКА. Прошу вас, позовите его вы, а я подожду у телефона.

Виктор направляется к конференц-залу.

Минуточку, пожалуйста. Сейчас подойдет. Да, это я... Вы уже слышали? Ужасно! И надо же, чтобы такое случилось именно у нас. Если бы вы помогли нам с трубами, то через несколько дней мы вернулись бы к нормальной жизни. Я... да, но... Я не вмешиваюсь в служебные дела, я только говорю, что люди... Знаете, город без питьевой воды... не уверена, можете ли вы себе это представить...

Явление третье

Те же и Мики.
Мики входит вместе с Виктором.

ВИКТОР. А он кричит, кто это разрешил нам рыть траншею...

МИКИ (берет трубку). Бенедикт слушает. Да. Что? Ну, как понимать... Чего нам нужно было ждать? Извини, пожалуйста, какие машины? Людям было сказано: ликвидируем последствия аварии, но для этого нужно выкопать траншею и уложить трубы до соседнего водопровода. Ты бы видел, как они работали! Километровая траншея была вырыта буквально за несколько часов. Что? Дисциплина планирования? Мы ее нарушили? Но ведь аварию мы не планировали! Пойми, сколько времени мы будем носить воду в чайниках? А тут есть такая возможность... ..Согласовать? Боже мой! С кем? Вы не поддерживаете? У соседей есть питьевая вода, а мы... Инженеры все просчитали. Водонапорная станция может... Что? Не раньше чем через полгода? Это невероятно... План... План не может идти вразрез с интересами общества. Да, я понимаю. Общество. Все общество. Только я должен буду объяснить людям этого общества... Ты приедешь? Ты объяснишь? Ну вот видишь, не приедешь. Я тебя не ловлю на слове. Я тебя только спрашиваю. В ситуации, когда мы сами нашли оптимальное решение, когда проделали работу... Теперь люди будут полгода любоваться пустой траншеей? Что? Мы не имели право ее копать?... На собственный страх и риск! Да ведь в городе живет шесть тысяч человек. Так что я это делал не самочинно. Людям все известно. Что? Я настраиваю их против районных властей? Такое еще никому не приходило в голову. Последствия? Какие последствия? Алло?..

ТОНКА. Вас прервали?

МИКИ. Наверное, он попожил трубку.

ВИКТОР. Ну и ну! Делал! Я говорил, что номер с трубами так легко не пройдет.

МИКИ. Да. В лучшем случае по плану мы получим трубы через несколько месяцев, а то и через полгода. Радостная перспектива.

ВИКТОР. Поспешили мы с этой траншеей. Опыт подсказывает...

МИКИ. Тише едешь — дальше будешь. Только для таких дел эти милые поговорки не подходят.

ТОНКА. Скорее другая: тихо едешь — беда догонит, скоро поедешь — беду догонишь.

МИКИ. Вот именно.

ВИКТОР. Он пообещал мне еще четыре цистерны. О них ему следовало бы напомнить.

МИКИ. Если район отказывает, будем обращаться в область.

ВИКТОР. Там скажут то же самое.

МИКИ. Почему так думаешь?

ВИКТОР. Порядок есть порядок. И его, как празило, придерживаются.

МИКИ. Спасибо, что именно ты мне об этом напоминаешь.

Стук в дверь.

ТОНКА (выходит и тотчас же возвращается.) Это к вам.

МИКИ. Я на комиссии.

ТОНКА. Там ваш брат.

МИКИ. Пусть подождет.

ТОНКА. Говорит, что по неотложному делу.

МИКИ. Снова надумал жениться?

ТОНКА. Это мне неизвестно.

МИКИ. Тонка, ведь вы же все знаете. Ну ладно, пусть войдет.

ВИКТОР. Не позвонить ли мне в район, раз уж он обещал четыре автоцистерны?

МИКИ. Сначала загляни туда, к медработникам. Посиди, пока я не вернусь.

Явление четвертое

Илья и Мики.

Илья появляется в дверях — улыбающийся, раскрыв объятия.

ИЛЬЯ. Привет, братишка!

МИКИ. Привет, братиславчанин! Ты в последние дни чаще бываешь дома, чем я.

ИЛЬЯ. Только сегодня я приехал не из-за себя.

МИКИ. Да ну!

ИЛЬЯ. Хочешь верь, хочешь не верь, но это правда.

МИКИ. От такого сообщения я и упасть могу.

ИЛЬЯ. Нет, братец, ты лучше садись и слушай внимательно, что я тебе скажу. Есть такая пословица...

МИКИ. Перестань! Хоть ты не корми меня пословицами.

ИЛЬЯ. Не знаю, кто и как тебя ими донимает, только я хочу сказать: «Кто скоро помог, тот дважды помог».

МИКИ. Пословица-то хороша, только что за ней стоит? Или ты будешь развлекать меня пустой болтовней?

ИЛЬЯ. Спокойно, Мики, спокойно! Как говорит другая пословица: «Горячность мешает, спокойствие помогает».

МИКИ. Так что ты хочешь сказать?

ИЛЬЯ. Я знаю, что ты в трудном положении, но не знаю деталей.

МИКИ. И тем не менее хочешь мне помочь?

ИЛЬЯ. Да, ты выручал меня не раз, теперь очередь за мной.

МИКИ. Прости, Илья! Но что ты можешь?

ИЛЬЯ. В Братиславе я встретил твоих инженеров. Мы вместе учились. Так вот они сказали, что тебе нужен километр труб. А где их достать?

МИКИ. Труб нет, это правда.

ИЛЬЯ. Правда, но не совсем. Я бы сказал — полуправда.

МИКИ. Это как?

ИЛЬЯ. Да так. В этом мире нет ничего такого, чего нельзя было бы достать.

МИКИ. Илья?!

ИЛЬЯ. Слушай, дубрава, что лес говорит.

МИКИ. Так трубы?..

ИЛЬЯ. Можно достать.

МИКИ. Где?

ИЛЬЯ. Там, где они есть.

МИКИ. Как?

ИЛЬЯ. Очень просто.

МИКИ. Илья! Ты знаешь, что бы это для нас значило?

ИЛЬЯ. Знаю.

МИКИ. Девятьсот пятьдесят метров.

ИЛЬЯ. Из-за какого-то километра труб я не оставлю брата и мэра этого города в беде.

МИКИ. Речь идет не обо мне.

ИЛЬЯ. Я знаю. Для тебя главное — город. В таком случае не забудь, что и я — уроженец этого города. А земляки всегда протягивают друг другу руки, ведь рука руку моет.

МИКИ. Это как понимать?

ИЛЬЯ. Так, как слышишь.

МИКИ. Подожди, ты предлагаешь какую-то нечестную сделку?

ИЛЬЯ. Знаешь, не смей меня.

МИКИ. Если так, я отказываюсь.

ИЛЬЯ. Только, Мики... на праведный путь в твоём положении надеяться нечего. И каждый скажет тебе то, что ты уже слышал: нет и не будет.

МИКИ. Я не желаю заниматься никакими махинациями! Ведь дело касается...

ИЛЬЯ. Интересов широкой общественности. В таком случае пусть у тебя не дрожат поджилки, когда ты будешь брать из своего фонда энный резерв.

МИКИ. Нет!

ИЛЬЯ. Надеюсь, ты не думаешь, что те, кто привезет тебе эти трубы, сделают это ради твоих прекрасных глаз?

МИКИ. Илья. Ведь это была бы самая большая подлость: строить свое счастье на несчастье других.

ИЛЬЯ. Советую тебе как будущему инженеру-экономисту подсчитать, во что обойдется этому городу и этому обществу авария, если и дальше вы будете возить воду машинами. Пока — тысячи крон, а за последующие недели и месяцы? Ой-ой-ой!.. Разумнее и экономичнее было бы кое-что поставить...

МИКИ. Бутыль?

ИЛЬЯ. А еще лучше — бочечку... Одну или две. И водворится в городе спокойствие и нормальная жизнь! Разве это не стоит денег?

МИКИ. Нет. В такую игру я вступать не желаю.

ИЛЬЯ. Как хочешь.

МИКИ. Ты же прекрасно знаешь, что я не из тех, кто...

ИЛЬЯ. Конечно! Ты — Бенедик, сын своего отца, который в свое время отказался снять трубку и позвонить, чтобы составить протекцию собственному сыну. Но в данном случае речь идет не о тебе, а о людях. И это разные вещи.

МИКИ. Нет.

ИЛЬЯ. Подумай хорошенько.

МИКИ. Я повторяю: нет.

ИЛЬЯ. Посуди, что тебя ждет, когда тебя уволят как неспособного и ненужного работника? Взвесь. Я в этой взятке не заинтересован, клянусь богом. И если я выражаю желание тебе помочь, так только потому, что не хочу, чтобы тебя уволили. Пойми же ты, наконец, чистые руки нужны любителям, а ты должен вести себя как профессионал.

МИКИ. Знаешь что? Ты своим вновь испеченным друзьям, которые послали тебя ко мне, скажи, что если им не стыдно принимать от нас то, что им не принадлежит, если они потеряли всякую совесть, то мне... то нам стыдно за них... За них и за тех, кто их поддерживает.

ИЛЬЯ. Успокойся, Мики... Успокойся! Да, чуть не забыл. Тебе привет от Веры.

МИКИ. Спасибо.

ИЛЬЯ. Надеюсь, вечером увидимся. Нам надо бы потолковать и о своих делах. Я помогу тебе, а ты поможешь мне уговорить маму. Знаешь, первая ее встреча с Верой прошла не лучшим образом. Мама так консервативна в семейных вопросах.

Явление пятое

Те же и Валент.

ВАЛЕНТ (в д в е р я х). Не помешаю?

МИКИ. Входи. Мы закончили!

ВАЛЕНТ (п о д в е т р у к у И л ь я). Валент.

МИКИ. Ты что же, не узнаешь нашего Илью?

ВАЛЕНТ. Илья Бенедик? Вы? Вот что значит редко встречаемся.

ИЛЬЯ. Бывать здесь чаще — нет времени. Сами знаете, как оно дорого в наш век. Ну ладно... привет... (У х о д и т.)

ВАЛЕНТ (г л я д и т е м у в с л е д). Твой брат красавец. Рослый, как отец.

МИКИ. Да. Красавец. Этого у него не отнимешь.

ВАЛЕНТ. Сидим мы тут напротив в банке с нашим директором, смотрю, идет твоя Тонка. Вот она мне и шепнула, что звонили из района.

МИКИ. Правильно шепнула.

ВАЛЕНТ. Катастрофа! Если для них пара месяцев — чепуха, то для нас... Послушай, председатель... нет, ты сядь. У меня уже второй день не выходит из головы идея...

МИКИ. Какая? Только, если можешь, не будь хоть ты шутником.

ВАЛЕНТ. Пошли за ним Тонку.

МИКИ. За кем?

ВАЛЕНТ. Да за Штефаном, нашим директором.

МИКИ. А что у него общего с твоей идеей?

ВАЛЕНТ. У нас на заводе есть резервные...

МИКИ. Трубы?

ВАЛЕНТ. Может быть, он отдаст их.

МИКИ. Ты говорил с ним?

ВАЛЕНТ. Я — нет. Ты поговори.

МИКИ (после паузы). Тонка!

Тонка появляется в дверях.

ВАЛЕНТ (обращается к ней). Забегите в банк. Скажите нашему директору, пусть зайдет сюда. Есть срочное дело.

МИКИ (когда Тонка закрывает за собой дверь). А что, если он поставит условие?

ВАЛЕНТ. Какое?

МИКИ. Ты же знаешь, в чем суть конфликта.

ВАЛЕНТ. Надеюсь, что согласится. Ведь все же авария...

МИКИ. Должен бы... Кстати, первые результаты анализа воды показали, что она испорчена вашими отходами.

ВАЛЕНТ. Это легко сказать — нашими отходами. Здесь все наше.

МИКИ. Напрашивается вопрос: какие меры предосторожности применялись у вас на заводе, чтобы отходы не просачивались в землю?

ВАЛЕНТ. Таких вопросов ты ему не задавай. Лучше тогда вообще не звать его сюда.

МИКИ. Я уж думал, не поехать ли мне самому прямо в областной центр, но все говорят, что ради нас начальство заседать не станет.

ВАЛЕНТ. Да и не надо. Вы просто должны вдвоем разумно поговорить друг с другом.

МИКИ. Разумно, с твоей точки зрения, означает...

ВАЛЕНТ. Что вы не будете ссориться и обижать друг друга.

МИКИ. А он действительно обиделся?

ВАЛЕНТ. Штефан — прекрасный мужик. Таких директоров немного. Посмотри, сколько он сделал для завода. Это тебе каждый подтвердит, потому что знает по собственному опыту.

МИКИ. Но за воротами завода его уже ничто не волнует.

ВАЛЕНТ. Нет, не совсем так.

МИКИ. Хочешь сказать, что с яслями я неправ?

ВАЛЕНТ. Этого я не говорю. Ты прав. Но, несмотря на это, вы должны были бы и могли бы договориться. Согласись, он старше тебя, да и опыта у него побольше.

МИКИ. Советуешь мне отойти от наших с тобой общих принципов?

Явление шестое

Те же, Тонка и Штефан.

ТОНКА (открывая дверь из приемной). Пожалуйста, товарищ директор.

ВАЛЕНТ. Извини, что мы тебя так неожиданно...

МИКИ (подает ему руку). Вытащили, да к тому же из банка.

ШТЕФАН. Полагаю, что знаю причину вашего нетерпения.

МИКИ. Прекрасно. Значит, сразу можем приступить к делу.

ШТЕФАН. Ну и сколько это будет?

МИКИ. Девятьсот пятьдесят метров.

ШТЕФАН. Метров? Вероятно, хочешь сказать — тысячу. А для круглого счета один миллион?

МИКИ. Какой миллион? Один километр.

ШТЕФАН. Ничего не понимаю.

МИКИ. Ты-то что имеешь в виду?

ШТЕФАН. Штраф который вы рассчитываете получить с меня за загрязнение земли и воды. Только из этого у вас ничего не выйдет. Я не дам ни кроны. Все эти процессы происходят помимо моей воли. Экспертиза установила. А правила безопасности мы не нарушили ни на йоту.

ВАЛЕНТ. Но мы-то хотели поговорить совсем о другом.

МИКИ. Разумеется, этот миллиончик был бы для нас совсем не лишним, но сейчас мы действительно думали не о нем.

ШТЕФАН. А о чем?

ВАЛЕНТ. Председатель уже сказал, что нам нужен километр труб...

МИКИ. Которые лежат у тебя на заводе...

ШТЕФАН. Как резерв. Но его я не могу использовать.

МИКИ. Даже в случае аварии?

ШТЕФАН. Если бы аварии произошла у меня на заводе.

МИКИ. А она, такая-сякая, перепутала двери.

ВАЛЕНТ. Товарищ директор, если бы можно было...

МИКИ. Нам именно сейчас нужна ваша помощь. Мы эти трубы получим и вернем вам.

ВАЛЕНТ. Обещают твердо через пару месяцев.

ШТЕФАН. Но кто из вас может поручиться, что за это время не произойдет ничего непредвиденного у меня на заводе? Знаете, что бы это значило? Миллиардные ценности оказались бы под угрозой. Под угрозой оказалось бы производство у десятков заказчиков, и не только наших, но и зарубежных.

МИКИ. Поручиться не можем, но ты в конце концов мог бы войти в наше положение.

ШТЕФАН. Подумайте, что значит обеспечивать работу химического предприятия!

ВАЛЕНТ. Меня тут не надо убеждать.

ШТЕФАН. Тогда совсем удивительно...

МИКИ. Что именно?

ШТЕФАН. Ты, может быть, думаешь, что я или моя жена не стоим в очереди с ведром за водой?

МИКИ. Могли бы и не стоять... У нас все подготовлено. Траншеи вырыты. Остается уложить трубы и подсоединить их к новому распределителю.

ШТЕФАН. Чересчур смелый эксперимент.

МИКИ. Но если люди узнают, что ты мог помочь... Ты же рискуешь доверием, а это...

ВАЛЕНТ. Подожди, не торопись. Поговорим спокойно.

МИКИ. Если ты, товарищ Валент, ждешь, что я, прижатый к стене, сейчас пообещаю ему подписать разрешение на строительство дома отдыха, а он, как услуга за услугу, даст мне трубы, то ты ошибаешься! Это было бы вымогательством.

ШТЕФАН (в с т а е т). Кто здесь вымогатель? Вы меня сюда позвали.

МИКИ. Если действительно не можешь, то что поделвешь. Будем искать помощь в другом месте. Возможно, там нас лучше поймут, чем дома, среди своих.

ШТЕФАН. Не понимаю, что за тон?

МИКИ. Извини, уж такой я человек.

ШТЕФАН. Да и слова ты мог бы выбирать поосмотрительней. Вымогать — это, с моей точки зрения...

МИКИ. Дашь или не дашь? Поможешь или не поможешь?

ШТЕФАН. Не кажется ли тебе, что в данном случае вымогатель — ты?

МИКИ. У тебя есть возможность... честно взглянуть в глаза жителям этого города.

ШТЕФАН. Знаешь, мой милый товарищ председатель. Ты с этой своей честной принципиальностью уже начинаешь мне действовать на нервы. Разыгрываешь из себя апостола, а сам при этом занимаешься камуфляжем.

МИКИ. Докажи!

ШТЕФАН (достает из кармана газету и подает ее с видом победителя о б о и м). Пожалуйста! Любуйтесь!

Мики и Валент читают.

ВАЛЕНТ. «Золотой дождь в кабинете председателя».

ШТЕФАН. Репортаж. Приторная идиллия. Самый молодой и самый выдающийся человек во всей округе. Город при нем расцвел как никогда. Прекрасная журналистка пишет о море цветов. Многое тут можно прочитать. А между строчками — еще и о явном непонимании действий председателя некоторыми руководителями предприятий города. Но вот о главном, о том, чем живут люди сегодня, нет ни слова.

ВАЛЕНТ (кладет газету на стол). Да, это правда. Не надо было ей писать. К тому же сейчас.

МИКИ. Она была здесь до аварии, и вам хорошо известно, что я просил ее, чтобы она ничего не писала.

ШТЕФАН. Но об этом она, разумеется, умалчивает, а люди, о доверии которых ты говорил, сами сделают вывод. (Быстро выходит из кабинета.)

ВАЛЕНТ. Подожди! (Мики.) Задержи его!

МИКИ. Пусть идет!

ВАЛЕНТ. Да, нашла коса на камень.

МИКИ (берет со стола газету). Ведь я же ее просил, чтобы она не писала.

ВАЛЕНТ. Ну ее к черту... А газету брось в корзинку. Завтра выйдет новая, в ней будут писать о чем-нибудь другом. Эту писанину люди забудут, а вот воду...

Явление седьмое

Те же и Виктор.

ВИКТОР (выходит из конференц-зала). Товарищ председатель!

МИКИ. Иду!

ВИКТОР (преграждает ему путь). Пришли из поликлиники. Кошмар! Первые два случая. Подозрение на тиф.

ВАЛЕНТ. Мики! (Хватает его за плечо.) Слышишь? Мы что же, должны подохнуть из-за твоего упрямства? Звони Штефану! Сейчас же звони!

МИКИ. Нет, ему не буду.

ВАЛЕНТ. Что ты собираешься делать?

МИКИ. Оставь меня. Дай мне минуточку подумать.

ВАЛЕНТ. О чем?

МИКИ. Я знаю, что поле боя покидать нельзя.

ВАЛЕНТ. Ты бы этого и не сделал.

МИКИ. В таком случае... нам надо включиться в борьбу.

Через открытое окно доносится бой часов с площади. Сцена погружается в темноту.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сцена без изменений. Поздний вечер. На башне бьют часы.

Явление первое

Мики и Тонка.

Мики сидит перед разложенными на письменном столе бумагами, обхватив голову руками. Когда в тишине раздается последний удар часов, он встает и начинает что-то искать в ящиках стола. Уже собирается позвать Тонку, но в последнюю минуту о чем-то вспоминает. Достает бумажник, открывает его и вынимает маленькую фотографию отца. Смотрит на нее, потом кладет перел собою на стол.

МИКИ. Отец, что бы ты сделал... в моем положении?

ТОНКА (открывая дверь из приемной). Вы меня звали?

МИКИ (отвечает не сразу). Нет. Не звал.

ТОНКА. Мне показалось, вы что-то говорили. (Включает свет.)

МИКИ. Тонка! Вы все еще здесь? Что вы делаете? Ведь уже поздно.

ТОНКА. Надо было закончить отчеты.

МИКИ. Отчеты подождут.

ТОНКА. Кого-то подождут, но только не меня. А вы? Вы не собираетесь домой?

МИКИ. Собираюсь...

ТОНКА. Когда?

МИКИ. Завтра у нас заседание президиума.

ТОНКА. Из-за него вам не стоит ночевать здесь.

МИКИ. Ах, Тонка.

ТОНКА. Мама ждет вас ужинать. Она уже дважды звонила мне.

МИКИ. И что вы ей скажете?

ТОНКА. Брат приехал к вам в гости... Когда люди в разное время ужинают, сколько лишней посуды надо мыть.

МИКИ. Боже мой, посуду...

Звонит телефон.

ТОНКА. Ну, вот... Возьмите трубку. Это она. Интересно, что вы ей скажете.

МИКИ. Слушаю. Да, Бенедик. Что? Звоните, пожалуйста, на водонапорную станцию.

Там находится диспетчер. Как? Не поднимает трубку? Проверю. Конечно. Ваша улица? Строителей?.. Спокойной ночи.

ТОНКА. Что ни говорите, но ваша мама права.

МИКИ. Права, когда жалуется, какой у нее плохой сын?

ТОНКА. Вы все стараетесь шутить, но когда от недосыпания, недоедания и нервозности у вас появится язва или какая-нибудь еще более неприятная болезнь в вашем-то молодом возрасте, вот тогда...

МИКИ. Что будет тогда, Тонка, золотая вы моя?

ТОНКА. Да, я знаю. Я уже хорошо знаю, что мне делать, когда вы начинаете говорить «золотая вы моя». Ухожу. Не забудьте все запереть.

МИКИ. Тонка! А утром?

ТОНКА. Если найду вас спящим на стуле, как вчера, то, даю вам слово, возьму расчет.

МИКИ. Нет, этого не делайте, прошу вас.

ТОНКА. Да и ваш отец, если бы не переутомлялся, если бы не стремился сделать все и за всех, то еще жил бы. Но, как говорится, мудрому не советуй, к сильному не лезь. Вам что же, хочется умереть в расцвете лет, оставив семью и детей на произвол судьбы?

МИКИ. У меня их нет. Ни семьи, ни детей...

ТОНКА. Так заведите.

МИКИ. Тонка! Золотая вы моя...

ТОНКА. Я знаю. «Золотая вы моя» означает до свидания, оставьте меня в покое, не лезьте ко мне с бабскими советами, не действуйте мне на нервы... Я ухожу, но помните мои слова!

МИКИ. Постараюсь.

ТОНКА. Чтобы потом не было поздно. А то вы только и думаете о городе да о людях, а они привыкают, как будто так это и должно быть.

МИКИ. Вы хотите сказать, что...

ТОНКА. Вы должны немножко думать и о себе. Такой председатель — и вдруг старый холостяк! Не заметите, как станете посмешищем.

МИКИ. Тонка, вы же видите, я в грязных рубашках не хожу и дырявых носков не ношу.

ТОНКА. Ну хорошо, хорошо. Считайте, что я вам ничего не говорила. Ведь вы знаете, что речь идет не о грязном воротничке и не о рваном носке.

МИКИ. Разумеется. Просто моей маме не хватает еще одной внучки, а мне — новых забот...

ТОНКА. Так они у вас не появятся никогда.

МИКИ. Тонка, золотая моя. Обещаю вам, как только полностью устраним последствия аварии...

ТОНКА. Что вы сделаете?

МИКИ. Влюблюсь в первую, кого вы мне найдете.

ТОНКА. Магда этим летом закончит институт.

МИКИ. Магда?

ТОНКА. Хорошая девушка.

МИКИ. Да она уж тоже, наверное, нашла себе теплое местечко в Братиславе.

ТОНКА. Я думаю...

МИКИ. Едва ли она предпочла бы кого-нибудь из здешних!

ТОНКА. Если бы этот здешний оказался настоящим мужчиной, то она моментально забыла бы всех, кто остался в Братиславе.

МИКИ. Серьезно, Тонка?.. Не звонили из поликлиники?

ТОНКА. Нет.

МИКИ. Я распорядился, что если...

ТОНКА. Возможно, это не тиф. Дети все тащат в рот, а потом болеют даже при нормальной воде.

МИКИ. Хорошо, если б было так.

ТОНКА. И не вздумайте поливать цветы всякой грязью. Если вам жалко воды из цистерны, то я принесу ее из дома. Из колодца.

МИКИ. Если бы ваш колодец вдруг оказался на площади! Надеюсь, что утром у нас будет достаточное количество машин.

ТОНКА. Машин да, а вот шоферов?

МИКИ. Мне обещали. В худшем случае...

ТОНКА. Вы тоже поедете развозить воду?

МИКИ. А почему бы мне не поехать и не развозить воду? По крайней мере, в прошлый раз я собственными ушами слышал, что говорят люди в ожидании воды. А они послушали, что я им сказал. Думаю, что это был интересный и полезный разговор.

ТОНКА. За двадцать пять лет, что я здесь работаю, сменилось четыре председателя, но ни один ничего подобного не делал. Хотя вы и молодой, но все же...

МИКИ. Вы — представитель серьезного учреждения. Так вы хотели сказать? Ничего, на представительство у нас еще будет время.

ТОНКА. Ой, чуть не забыла. Вам звонил Валент.

МИКИ. Что он сказал?

ТОНКА. Интересовался, звонили ли вы директору Штефану.

МИКИ. И что вы ответили?

ТОНКА. Что не звонили. Сказала правду.

МИКИ. Правильно сделали.

ТОНКА. Валент всем говорит, что без Штефана нам с этой бедой не справиться.

МИКИ. Спокойной ночи, Тонка.

ТОНКА. До свидания. (Исчезает в дверях.)

МИКИ (какое-то время смотрит ей вслед, потом снова идет к своему столу, садится, берет в руки фотографию отца). Справимся или не справимся, отец? Как бы мне хотелось услышать тебя сейчас. В эту минуту. Посидеть с тобой. Просто так. Дома, на кухне за столом. Ты бы пил кофе с молоком. Из хлебных крошек мы делали бы шарики и размышляли. Как хорошо, когда двое могут вместе сидеть и думать вслух. Я знаю, я точно знаю, что ты сказал бы мне: если ты прав, то не отступай. Но когда эта правда касается не только нас... не только нашей семьи, но всех людей этого города? Что делать в таком случае, отец?

Явление второе

Вера и Мики.

Раздается тихий стук. Мики смотрит в сторону двери, встает и на повторный стук открывает ее. На пороге стоит Вера. Немая сцена. Оба смущенно смотрят друг на друга.

ВЕРА. Добрый вечер.

МИКИ. Кому как... Добрый...

ВЕРА (робко делает шаг навстречу и снова останавливается). Извините. Я ждала вас на улице с обеда.

МИКИ. У вас столько свободного времени?

ВЕРА. Я боялась... и не хотела пробиваться через вашу секретаршу. Так и сидела в сквере под вашими окнами на скамеечке. А теперь, когда увидела, что она ушла... Мне нужно поговорить с вами наедине.

МИКИ. Понимаю.

ВЕРА. Я пришла извиниться перед вами.

МИКИ. Должен вам сказать, что мне нелегко было сохранить самообладание, когда сегодня утром увидел вашу статейку. Скажу откровенно, что в первый момент я готов был вас... Извините... Нехорошо, когда мужчина так говорит женщине. Знаете ли вы, что вы наделали своей статейкой? Конечно, не знаете! Но объясните мне, какого черта вы все это написали? Ведь я же просил вас не делать этого. Просил? А вы как назло. В букет цветов еще добавили чертополоха в виде

упреков химзаводу. Кому вы этим помогли? Вы даже не представляете, как вы мне усложнили жизнь. Честное слово, я так рассердился на вас, что...

ВЕРА. Я понимаю. Этот репортаж не должен был появиться. Простите меня. Я ничего не знала об аварии.

МИКИ. Илья вам не сказал?

ВЕРА. С тех пор я его не видела.

МИКИ. Да?

ВЕРА. Не знаю, что вы обо мне думаете.

МИКИ. А сегодня вы приехали не вместе?

ВЕРА. Он здесь?

МИКИ. Дома. У мамы.

ВЕРА. Я приехала одна. Вчера вечером, когда я узнала, какие у вас тут неприятности с водой, я готчас же позвонила в типографию, но ротацию уже нельзя было остановить.

МИКИ. Во скольких тысячах экземпляров вы пустили эту прекрасную ложь гулять по белу свету?

ВЕРА. Думаю, все то, что я о вас написала, было чистой правдой.

МИКИ. Но правда сегодня другая.

ВЕРА. Поэтому я здесь, хочу честно признать свою ошибку и исправить то, что еще можно исправить.

МИКИ. Вы собираетесь написать новый репортаж о городе, который будет утопать в золотом дожде, а в грязной луже? Зададите мне несколько оптимистических вопросов о том, как героически мы боремся со стихией?

ВЕРА. Нет.

МИКИ. Так что же?

ВЕРА. Я хотела бы вам помочь.

МИКИ. Вы мне? Как?

ВЕРА. Поговорить с вами. Вместе подумать. Может быть, это и не выход из положения, но именно в такой ситуации человек человеку часто доверяет то, о чем раньше боялся сквзгать вслух...

МИКИ. Наверное. Илья вам нв что-то намекнул.

ВЕРА. Нет, действительно с тех пор мы с ним не виделись.

МИКИ. Но как тогда понять его слова, что именно вы... та настоящая и единственная, котроая его понимает...

ВЕРА. Понимала до поры до времени.

МИКИ. Это значит...

ВЕРА. Что ваш брат и я не связаны никакими обязательствами.

МИКИ. И это, если понадобится, вы можете повторить в его присутствии?

ВЕРА. По-вашему, мне нельзя верить?

МИКИ. Извините. Все эти обстоятельства вывели меня из себя... А может быть, я просто устал.

ВЕРА. Я знаю — доверие вызывается доверием. Это бывает чаще, и это всегда радостно. Но не всегда так получается. Иногда человеку приходится верить, как говорится, вслепую. Если вы сумеете мне поверить, я вас не обману. Читатели любят нашу газету, и нам удалось уже сделать не одно доброе дело. Люди потом благодарят нас.

МИКИ. Вы опять хотите написать?

ВЕРА. Правду обо всем, что здесь произошло в последние дни.

МИКИ. Теперь, золотая вы моя...

ВЕРА. Можете называть меня Верой.

МИКИ. Все едино. Пусть даже Верочкой. Но я вам искренне советую ближайшим поездом вернуться домой и поискать другую тему для репортажа.

ВЕРА. Почему?

МИКИ. Потому что люди свою правду знают, а то, что вы сумеете написать о ней, то...

ВЕРА. Им не нужно. Так вы думаете?

МИКИ. Нет, но я не уверен, сумеете ли вы взять на себя хотя бы часть того риска...

ВЕРА. Я не понимаю вас.

МИКИ. Речь идет все о той же правде.

ВЕРА. Не кажется ли вам, что вы меня постоянно и необоснованно обижаете?

МИКИ. Я? Вас?

ВЕРА. Я вас уверяю — за три года своей журналистской работы я писала только правду.

МИКИ. А я повторяю: взяли бы вы на себя риск найти и назвать того, кто виноват в создввшейся ситуации, при которой городок попал в тяжелое аварийное положение, когда люди уже несколько дней живут без питьевой воды? В нашем распоряжении несколько вариантов выхода из тяжелого положения. Первый — традиционный: доставлять воду в цистернах. Так мы сейчас и делаем. Второй — более революционный: подсоединиться к другому источнику, который находится недалеко, но нам тогда нужен километр труб, а их в данный момент нет, хотя они могли бы быть, если бы...

ВЕРА. Я могу написать о совести, чести и моральном облике людей...

МИКИ. О чести, совести и моральном облике, скажем, председателя одного национального комитета, который упрямо и при этом пренебрегая интересами граждан своего города, терпеливо стоящих в очередях за питьевой водой, не желает дать разрешение на строительство дома отдыха? Кому? Одному заводу, который отравляет воду, потребляемую гражданами города. В случае, если бы председатель дал разрешение на строительство, руководство завода, несмотря на предписание, отдало бы городу километр труб, и через два-три дня чистая водичка потекла из всех водопроводных кранов города.

ВЕРА. Могла бы я узнать, в чем проявляется принципиальное упрямство председателя?

МИКИ. В одном. Этот бедняга спит и видит, чтобы богатый завод дал средства, которыми располагает, в первую очередь на строительство яслей.

ВЕРА. Я на месте этого председателя не уступила бы.

МИКИ. Но людям нужна вода. Всем. Ясли ждут сто двадцать матерей, но и им, и их детям вода нужна сегодня, завтра и послезавтра.

ВЕРА. Только обычно за первым компромиссом...

МИКИ. Идет второй. Я это знаю. Когда два года назад было решено избрать меня председателем, меня вызвали в район. Там мне безо всяких обиняков, откровенно сказали: мы тебя знаем как честного человека; знали мы и твоего отца; работай и покажи, на что ты способен. За два года мы многое сделали. Но я действительно ни на йоту не отступил от своих принципов. Мошенники, обманщики, взяточники сюда не наведывались. А теперь? Что мне делать теперь?

ВЕРА. Не смеешь! Не смеешь! Именно сейчас не смеешь, товарищ Бенедик!

МИКИ (после минутной паузы подает ей руку). Как ты сказала? Товарищ Бенедик?

ВЕРА. Меня, я повторяю, зовут Верой.

МИКИ. Мики. Смешное имя для председателя, а?

ВЕРА. Необычное.

МИКИ. Говоришь, я...

ВЕРА. Не говорю. Я убеждена, что ты не отступишь.

МИКИ. Боюсь, припрут меня к стенке.

ВЕРА. Не поддавайся.

МИКИ. А если подтвердится, что это тиф?

ВЕРА. А что бы ты сказал, если бы я пошла...

МИКИ. Куда?

ВЕРА. К нему. К директору этого вашего завода. И откровенно сказала бы ему.

МИКИ. Ты бы это сумела?

ВЕРА. Я не выбираю легких путей.

МИКИ. Он обезоружит тебя своей правдой.

ВЕРА. Даже если я буду говорить с ним о морали?

МИКИ. Нет! Зачем ты, чужая и незнакомая, будешь ради кого-то обжигать себе пальцы?

ВЕРА. Да хотя бы из убеждения, что настоящий журналист не может ходить по белу свету, не обжегшись.

МИКИ. Но женщинам шрамы не идут.

ВЕРА. Ты в этом уверен?

МИКИ. И вообще. О чем мы тут говорим? На улице отцветает золотой дождь. Стоит прекраснейший май. Каждый настоящий мужчина пригласил бы тебя... У вас, в Братиславе,— в винный погребок или на Дунай... куда-нибудь потанцевать. А здесь у нас? Разве только в кино.

В тишине через открытое окно доносятся звуки рояля. Кто-то повторяет пассаж из «Лунной сонаты» Ветховена.

Интересно, а? В городе нет воды, а дети играют на рояле, как будто ничего не произошло. Жизнь идет своим чередом, и наши заботы ее мало волнуют.

ВЕРА. Детям хорошо, но все же я не хотела бы снова быть милой послушной девочкой, которая каждый вечер отсиживает за роялем положенное время.

МИКИ. Знаешь, я могу себе живо представить, какой ты была: с бантиком в волосах и в накрахмаленном фартучке.

ВЕРА. И с новейшим анекдотом на устах.

МИКИ. Боже мой, как давно я не слышал настоящего анекдота. Чего бы я только не отдал сейчас за один хороший анекдот!

Явление третье

Те же и Эва Бенедикова.

ЭВА (останавливается в полуоткрытых дверях). Так я расскажу тебе такой анекдот, что после него у тебя пропадет всякое желание смеяться.

МИКИ. Мама? Что ты тут делаешь?

ЭВА. Пришла тебе сквззать, что, если ты и дльше будешь ночевать здесь, я сдам твою комнату.

МИКИ. Квартирант уже есть на примете?

ЭВА. И не один.

МИКИ. Мама, познакомься с Верой.

ЭВА. Мы уже...

ВЕРА. Знакомы.

ЭВА. К сожалению.

МИКИ. Ну что ты, мама.

ЭВА. Значит, поэтому он не хотел подняться со мной.

МИКИ. Кто?

ЭВА. Да Илья.

МИКИ. Где он?

ЭВА. Ждет нас внизу, у ворот.

МИКИ. Илья! Я иду за ним.

ЭВА. Подожди. А что здесь делает эта девушка?

МИКИ. Мама, мы всё...

ВЕРА. Вам объясним.

ЭВА (В е р е). Что вы собираетесь мне объяснять? Для этого у меня есть собственный сын.

МИКИ. Мама, садись, прошу тебя.

ЭВА. Боже мой... Мики...

МИКИ. Вера... Так скажи ей...

ВЕРА. Я могу, но если мама хочет сначала услышать от тебя...

ЭВА. Что? Вы уже на «ты»?

МИКИ. Мама, разве плохо, если двое людей обращаются друг к другу на «ты»?

ЭВА. Подожди. ничего не объясняй.

МИКИ. Но как же ты потом поймешь?

ЭВА. Неважно. Сейчас речь идет не об этом... Был у меня Валент.

МИКИ. У тебя? Что ему нужно?

ЭВА. Ты сам знаешь.

МИКИ. Извини меня, мама, но...

ЭВА. Это старый, опытный и честный человек. Он мог бы быть тебе отцом.

МИКИ. Мама! О чем ты говоришь?

ЭВА. Говорю, он мог бы быть тебе отцом, и ты мог бы прислушаться к его советам. Он тебе не хочет плохого, ты должен договориться с директором.

МИКИ. И за этим он приходил к тебе?

ЭВА. Мики! Мальчик мой... Прошу тебя. Он чуть не плакал.

МИКИ. Но зачем ему плакать перед тобой?

ЭВА. Потому что перед тобой неприлично. Настоящие мужчины, если они трезвы, плакать не будут.

МИКИ. Мама, а ты веришь, что...

ЭВА. Валент плохо тебе не посоветует. Директор Штефан правильный человек.

МИКИ. Выходит, один я чиню тут всякие безобразия?

ВЕРА. Пани Бенедикова, вам так не следует говорить.

ЭВА. Извините, девушка! Вам мало, что вы разбили семью моего старшего сына. И вообще, что вы тут, собственно, делаете ночью? С чужим мужчиной, здесь в кабинете?

МИКИ. Мама!

ЭВА (В е р е). Я сказала вам десять дней казад, что я не желаю...

МИКИ. Мама, прошу тебя! Остановись!

ЭВА (В е р е). Разве я не сквзала это достаточно ясно?

МИКИ. Илья вернется к своей семье.

ЭВА. Это ты за него обещаешь? Полагаешь, такая легко отпустит? Она его уже поймала на крючок. А теперь пришла еще и тебя обработать. А ты? Ты, чего доброго, можешь поженить их.

МИКИ. Мама, ты не права. Вера не такая. Ты обижаешь ее.

ЭВА. Я ее обижаю? Пойди за ним! Приведи сейчас же! Хотя нет. Подожди... Лучше не надо.

МИКИ. Почему?

ЭВА. Я пришла к тебе не из-за нее. Я пообещала Валенту...

МИКИ. За меня?

ЭВА. Что с тобой поговорю как мать. Мики! Я прошу тебя... в память о нашем отце, которого все в этом городе почитают и уважают даже после его смерти. Что ты упрямишься? Что за самолюбование? Ты знаешь, этого никогда не было в нашей семье. Но теперь? Теперь речь идет не только о нас, а о городе, о благополучии всех тех, кто каждый день смотрит на эту пустую траншею.

МИКИ. Это тебе Валент наговорил?

ЭВА. Прошу тебя. Пойди к Штефану.

Явление четвертое

Те же и Илья.

ИЛЬЯ (появляется в дверях). Мама! И ты тут собираешься остаться ночевать? (Замечает Веру.) Привет, Вера!.. Я там мог бы ждать до скончания века. Что ты тут делаешь?

МИКИ. Разве не видишь? Готовит репортаж.

ИЛЬЯ. Опять?

ЭВА. Мики! Ты слышал? Город может остаться без воды.

МИКИ. Мама, если бы это зависело только от меня.

ИЛЬЯ. Общее мнение таково, что все зависит от тебя. Мама может тебе это подтвердить: она слышала в магазине, я — в автобусе, и Валент заявил это во весь голос.

ЭВА. Люди говорят, что подобная мерзость будет течь из водопровода довольно долго, потому что председатель упорствует и не может ничего добиться... Не умеет так поговорить с высоким начальством, как это делают другие.

ВЕРА. Мики! Уступить в критический момент, это...

ИЛЬЯ. О! Ты уже вникаешь в детали?

ЭВА. Что такое уступить?

ИЛЬЯ. Немного поколебать наш бенедиковский престиж. Братишка заартачился и если теперь отступит, то кое-кто может его в этом упрекнуть. Я понимаю тебя, дружище.

ЭВА. Боже мой! Сколько нервов я потратила, убеждая собственного мужа, а теперь — еще и с сыном мучаюсь.

МИКИ. Я уже не изменюсь, мама. А если вы хотите видеть меня иным, то я завтра утром на заседании президиума лучше откажусь от своих обязанностей. Пусть из беды город выводит кто-нибудь другой, более способный.

ЭВА. Отказаться? Это самое простое.

МИКИ. Что же ты предлагаешь мне, мама?

ЭВА. Договориться со Штефаном.

ИЛЬЯ. Но есть тут и другая возможность.

ЭВА. Илья! Какая возможность?

ИЛЬЯ. Мики о ней уже знает.

ЭВА. Мики! Скажи, какая еще возможность?

МИКИ. У Ильи есть связи, так что, если мы кое-кого подмажем...

ИЛЬЯ. Трубы окажутся в траншее через несколько дней.

ЭВА. Боже мой!

МИКИ. Так что можем выбирать между плохим и очень плохим.

ИЛЬЯ. Уверю тебя, что ты будешь не первым, кто стоит перед таким выбором. Да к тому же еще... в интересах общественных, а не личных.

МИКИ. А сколько им нужно... этим твоим... свиньям? Это, пожалуй, самое лучшее слово, которым я могу их назвать.

ИЛЬЯ. Послушай, Мики. Эта сумма определенно найдется в каком-нибудь черном фонде этого города.

МИКИ. Таких фондов у нас нет. По крайней мере с тех пор, как я тут работаю.

ИЛЬЯ. Полагаю, что это маленькая, но ошибка. Жизнь может тебе подбросить столько неожиданностей, что...

МИКИ. Я с утра перебираю все возможности.

ИЛЬЯ. Ну и к чему ты пришел?

МИКИ. Вода нужна всем.

ИЛЬЯ. Значит?

МИКИ (достаёт из кармана пиджака сберегательную книжку).

Кроме тебя и нас троих об этом никто не будет знать.

ИЛЬЯ (берет у Мики сберегательную книжку). Ты сошел с ума.

МИКИ. Почему? Ты же сказал...

ИЛЬЯ. Но ведь это твоя собственная... личная сберегательная книжка.

ЭВА. Мики!?

МИКИ. Другой возможности у меня нет.

ЭВА. Илья! Ради бога! Ты сможешь взять ее у него?

ИЛЬЯ (после паузы). Не для себя, мама.

ВЕРА. А для кого?

ИЛЬЯ. Для всех, Верочка.

ЭВА. Он должен отдать свои? Честно заработанные? Неужели действительно у города нет нескольких лишних крон?

ИЛЬЯ. Есть. Определенно есть. Так что Мики их потом каким-нибудь образом вернет.

МИКИ. Илья! Ты прекрасно знаешь, что я этого не сделаю!

ЭВА. Илья, отдай ему сберегательную книжку!

Илья делает неопределенный жест, будто хочет отдать книжку брату.

МИКИ. Нет. Иди! И действуй. (Опускается на стул в углу комнаты и закрывает лицо ладонями.)

Сцена погружается в темноту. Снова звучит музыка.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Через десять дней. Сцена та же, только нет в вазах букетов расцветшего золотого дождя.

Явление первое

Тонка и Виктор.

ВИКТОР (входит с бокалом воды в руке). Ну, Тонка, скажу я вам, это же не часто случается, чтобы вот так, как это делаю я сейчас, поднимали бокал воды за ваше здоровье.

ТОНКА. А я бы в свою очередь сказала: слава богу, что опять течет вода прозрачная и чистая.

ВИКТОР. Прямо как в той сказке... Только тогда понимаешь, какую цену имеет соль, когда ее нет. (Останавливается у окна.) Тонка...

ТОНКА (поливая цветы). Подождите.

ВИКТОР. Посмотрите вниз. Видите их?

ТОНКА (после паузы). Вижу.

ВИКТОР. Что вы на это скажете?

ТОНКА. Что я могу сказать?

ВИКТОР. Наш председатель... опять с ней. Представьте себе! Посмотрите, она его фотографирует.

ТОНКА. Будет прекрасная фотография. Среди цветов.

ВИКТОР. Значит, доля правды в этом есть.

ТОНКА. В чем?

ВИКТОР. Что наш председатель...

ТОНКА. Вас не обходит никакая сплетня.

ВИКТОР. Какая сплетня? Вы хотите сказать, что эта журналистка ездит сюда каждую неделю не по долгу службы?

ТОНКА. Откуда я знаю, почему она приезжает.

ВИКТОР. Прекрасно знаете.

ТОНКА. Ну, а если даже... не по долгу службы... Это его дело.

ВИКТОР. Конечно, его.

ТОНКА. Он уже не юноша и навеки холостяком остаться не должен.

ВИКТОР. Это понятно. Но он — видный работник, к тому же председатель. Так что ему надо искать... будущую жену, а не путаться...

ТОНКА. Путаться с кем?

ВИКТОР. С газетчицей. Ничего хорошего я от нее не жду.

ТОНКА. Неужели и у вас она уже взяла интервью?

ВИКТОР. Тонка! Вы сегодня встали с левой ноги?

ТОНКА. Скажите мне, только честно. Что вам сделал наш председатель, что вы его все время подкалываете?

ВИКТОР. Я?

ТОНКА. Мы бы все должны были ему в ножки кланяться!

ВИКТОР. За воду?

ТОНКА. И за воду.

ВИКТОР. Я бы сказал... все мы приложили усилия. Правда, каждый по-своему, в меру своих возможностей, в рамках своих обязанностей.

ТОНКА. В очередях с ведрами да бидонами мы могли бы стоять еще целые месяцы.

ВИКТОР. Я говорю, что все мы приложили старания, а не только он.

ТОНКА. Никто этого не утверждает, а тем более председатель.

ВИКТОР. Но увидите, что писать снова станут только о нем. Вот шумиху поднимут!

ТОНКА. Пусть у вас от нее голова не болит.

ВИКТОР. Правильно, Тонка... А как вы думаете, когда они поженятся? Он поедет к ней или она приедет сюда?

ТОНКА. Знаете, меня это не волнует.

ВИКТОР. Не скажите, все-таки вам это не безразлично.

ТОНКА. Я уже пережила четырех председателей.

ВИКТОР. Но этого вам будет ужасно жалко.

ТОНКА. Пока он никуда не уходит.

ВИКТОР. Пойдет выше. Попомните мои слова. Ему путь в гору предначертан. И какой путь!

Явление второе

Те же и Илья.

Илья останавливается в дверях.

ТОНКА. Здравствуйте, пан архитектор.

ИЛЬЯ. А брат? Еще не пришел?

ВИКТОР (подает ему руку). Ба! Проходите... Идите-ка сюда.

ИЛЬЯ. Куда?

ВИКТОР (тянет его к окну). Посмотрите вниз.

ИЛЬЯ. Вера!

ВИКТОР. Каквя парал! Что скажете?

ИЛЬЯ. А я прошел мимо и не заметил их.

ВИКТОР. Бывает. Я тоже часто вот так иду, задумавшись о чем-нибудь, иной раз и не поздороваюсь.

ТОНКА. Садитесь.

ИЛЬЯ. Спасибо. Я спешу.

ТОНКА. Я схожу за ним.

ВИКТОР (от окна). Не надо. Они уже идут.

ИЛЬЯ. Двоем?

ВИКТОР. А как же иначе?

ТОНКА. Выпьете кофе?

ИЛЬЯ. Нет, спасибо.

ВИКТОР. А бокальчик свежей водички? Надеюсь, вы присоединитесь к нам? Сейчас это у нас самое дорогое, что можно предложить гостю.

ИЛЬЯ. Давление нормальное? Все в порядке?

ВИКТОР. Пока да.

ИЛЬЯ. Что ни говорите, но победа Мики на будущих выборах обеспечена.

ВИКТОР. Должен вам сказать, что ваш брат — деловой человек. Если бы я был верующим, то сказал бы, что сам бог послал нам его в нужный час.

ИЛЬЯ. Счастливым человек.

ВИКТОР. Скажите, пожалуйста. Вы, уж конечно, в курсе событий. Тонка делает вид, что ничего не знает. Когда тут у нас намечается свадьба? К такому событию город все же должен подготовиться!

ИЛЬЯ. Вы собираетесь меня разыгрывать?

ВИКТОР. Море ветром, народ слухом волнуется.

Явление третье

Те же, Мики и Вера.

МИКИ (удивлен присутствием Ильи). Не может быть!

ВИКТОР. Доброе утро, товарищ председатель.

ТОНКА. Мне кажется, вы трудитесь даже по дороге на работу.

ВЕРА. Мы сделали несколько фотографий.

ИЛЬЯ. Надеюсь, что новый репортаж будет более удачным.

ВИКТОР (после паузы). Ну... я приду позднее, товарищ председатель... когда разойдутся гости. У меня подготовлен список предложений.

МИКИ. Каких предложений?

ВИКТОР. Уже не помнишь? На последнем совещании говорилось о том, что было бы хорошо отметить самых лучших наградами. Твк что я все подготовил. (Уходит.)

МИКИ. Тонка! Было какое-нибудь решение о наградах?

ТОНКА. Не помню.

МИКИ. Если вы не помните, значит, точно не было. Но опять кто-то проявляет инициативу... мечтает о наградах.

ИЛЬЯ. А почему бы и нет? Это вполне понятно. Везде так делается.

МИКИ. Тонка, прошу вас, для полной уверенности загляните в блокнот.

ТОНКА. Обязательно. (Исчезает за дверью.)

МИКИ (после паузы обращается к Илье). Что скажешь хорошего? Ты сегодня приехал ни свет ни заря. В какую же рань пришлось тебе вставать, а?

ИЛЬЯ. Ну, как тебе сказать?.. Хорошее — нехорошее...

МИКИ. Тебя случайно не мама послала?

ИЛЬЯ. Почему мама?

МИКИ. Я просто спрашиваю, не показалось ли ей чего, но ведь в последние дни я снова ночую дома.

ИЛЬЯ. Послушай, Мики. Мне надо с тобой серьезно поговорить.

ВЕРА. Мне уйти?

ИЛЬЯ. Нет. Можешь остаться.

МИКИ (помолчав). Так говори. Что случилось?

ИЛЬЯ. Мне нужны еще деньги.

МИКИ. Тебе?

ИЛЬЯ. Для тех.

МИКИ. За трубы? Ты что же, думаешь, что я наследник покойного Онасиса?

ИЛЬЯ. Войди в положение.

МИКИ. Мы хорошо заплатили тому предприятию. Официально. До последнего геллера.

ИЛЬЯ. За трубы — да. Все в порядке. Ну а те, которые содействовали этому...

МИКИ. Получили тоже.

ИЛЬЯ. Но им кажется, что мало.

МИКИ. Что?

ИЛЬЯ. То, что слышишь. Из-за сотни я сюда бы не приехал.

МИКИ. Больше у меня нет ни гроша.

ИЛЬЯ. Должен найти. Иначе они не будут молчать, и все дело лопнет.

МИКИ. Лопнет? Хочешь меня напугать, будто они придут и выкопают километр труб?

ИЛЬЯ. Думаю, что этого не будет.

МИКИ. Тогда в чем дело? Что за вымогательство?

ИЛЬЯ. Пойми, Мики...

МИКИ. За трубы мы хорошо заплатили...

ИЛЬЯ. Только они... кое от кого улпыли. Понимаешь? Ведь у нас все планируется, так что тот, кто их должен был получить, но не получил, не должен устраивать шума... Это уж так заведено.

МИКИ. У меня нет... Да если бы и были... Говорю тебе, нет ни гроша.

ИЛЬЯ. Значит, ты хочешь, чтобы я влип?

ВЕРА. Вот это сюжет!

ИЛЬЯ (р а с с е р д и в ш и с ь). Прошу тебя, хоть ты не вмешивайся. А ты, Мики, будь любезен понять, что в твоём городе ликвидирована авария, и стоит тебе...

МИКИ. Разве я мало дал?

ИЛЬЯ. Говорю тебе, недостаточно.

ВЕРА. Илья! На что ты голкаешь собственного брата?

ИЛЬЯ. Я его? А не он меня?

ВЕРА. Если мы вскроем все дело...

ИЛЬЯ. Кто? Ты? Что ты здесь можешь и хочешь вскрывать? И вообще, милая Верочка, не кажется ли тебе немного странным... это твое...

ВЕРА. Ну договаривай!

ИЛЬЯ. Не буду.

ВЕРА. Договаривай же!

ИЛЬЯ. Смотри, чтобы твоя любовь с первого взгляда не кончилась слезами!

МИКИ. Ну вот и высказался!

ИЛЬЯ. Невероятно банальная история. Как в старом романе классической словацкой литературы. Женщина между двумя братьями. А дальше?

ВЕРА. Я думала, что мы с тобой уже все сказали и все объяснили друг другу.

ИЛЬЯ. Только еще с одним дополнением с моей стороны, Верочка. Учти, что присутствующий здесь Микулаш Бенедик — прирожденный брат милосердия. Брат милосердия или спаситель. И если тебе эти слова не совсем ясны, то могу объяснить: своим поведением он прежде всего спасает мою семью.

МИКИ (подскакивает к Илье). Илья!

Братья застывают друг против друга. И в эту минуту открывается дверь из приемной и появляется Тонка.

Явление четвертое

Те же, Тонка и Штефан.

ТОНКА. Товарищ председатель! К вам товарищ директор Штефан.

МИКИ. Пусть подождет.

ШТЕФАН (уже в дверях). Нет, не могу. Шел мимо, решил зайти на минутку.

МИКИ (после паузы). Это мой брат.

ШТЕФАН. Рад познакомиться.

МИКИ (показывая на Веру). А это...

ШТЕФАН. Товарищ журналист. (Подает ей руку.) Так что? Новый репортаж? Теперь на целую страницу?..

ВЕРА. Мне выйти?

ШТЕФАН. Нет, не беспокойтесь. Я просто пришел сказать председателю несколько слов. Таких, как говорится — от сердца к сердцу. Может быть, и вы об этом уже знаете, но у нас с ним старый, в сущности, смешной спор о строительстве дома отдыха. (Обращаясь к Мики.) Думаю, что настало время отказаться от принципов, которые не украшают мужчин. И особенно сейчас, когда все твои высокие призывы утонули в водопроводных трубах.

ИЛЬЯ (после паузы, не выдержав). Это были его личные деньги!

ШТЕФАН. В такой ситуации вообще не играет роли, какие они были. Решающим является то, что были. Преступное действие совершает как тот, кто берет, так и тот, кто дает.

ИЛЬЯ. А вы? Вы, товарищ директор? Если бы вы получили от Мики разрешение на строительство, то могли бы... и не говорить... Сколько таких сделок совершалось, а республика стоит... В конце концов, людям была нужна вода...

ШТЕФАН. Я не говорю, что не нужна.

ИЛЬЯ (М и к и). Слышишь? Директор тебе в таком деле, возможно, еще и помог бы...

ШТЕФАН. Немного горькое поучение, но уж такова жизнь.

МИКИ. Это значит...

ВЕРА. Что он в интересах общества отдал свои собственные сбережения, а вы готовы его погубить.

ШТЕФАН. Должен сказать вам, девушка, что я вас понимаю. Вашей душе, конечно, ближе героические типы, но...

ВЕРА. Вы не имеете права оскорблять. Неужели ваша совесть вам ничего не подсказывает?

ШТЕФАН. Не чувствую, что она у меня нечиста.

ИЛЬЯ. Мики! Вам двоим все же надо договориться!

МИКИ. А что, если нет?

ШТЕФАН. Вообще-то я только проходил мимо. (Направляется к дверям.)

ИЛЬЯ. Подождите!

ШТЕФАН. В чем дело?

ИЛЬЯ (М и к и). Мики, подумай! Ведь с этим он пойдет куда-нибудь выше.

МИКИ. Если ему кажется, что совесть его чиста, пусть идет.

Явление пятое

Те же, Валент и Виктор.

ВАЛЕНТ (останавливается в дверях, потом входит и как-то с трудом, заикаясь, говорит). Нет. Я не понимаю. Что, собственно, происходит?

МИКИ. Где?

ВИКТОР. Они здесь. Приехали из района.

МИКИ. Кто?

ВАЛЕНТ. Товарищи из Комитета народного контроля. Говорят... Но это какая-то чепуха. Какое-то недоразумение. Я им посоветовал: пойдите, спросите у людей. Наш город живет как возрожденный. А они знай талдычат свое...

МИКИ (после паузы, обращаясь к Штефану). Это ты? Ты позвал их сюда?

ВАЛЕНТ. Боже упаси... Товарищ директор?

ВИКТОР. Это, пожалуй, было не нужно.

ВЕРА. Да еще человеку с чистой совестью.

ИЛЬЯ (М и к и). Конеч. Вот и конеч.

ШТЕФАН. Минуточку. Вы собираетесь, как я вижу, сделать из меня...

ВЕРА. Противно даже произнести это слово!

ШТЕФАН. Не произносите!

ВАЛЕНТ. Тогда я скажу тебе как мужчина мужчине. Такого я от тебя никогда не ожидал. Мики не виновен. Ты это прекрасно знаешь... Черт возьми! А я-то, старый добряк, до сей минуты был убежден, что ты настоящий человек.

ШТЕФАН. Ну и как в твоём понимании должен вести себя в эту минуту такой человек? Сунуть голову в песок? Делать вид, что ничего не знает? Не кажется ли всем вам, что вы выворачиваете мораль наизнанку?

ВАЛЕНТ. Мы?

ШТЕФАН. Ну если вы убеждены, что это я их сюда позвал...

МИКИ. Поспешили... Что правда, то правда.

ВИКТОР. Чистую воду пьем всего лишь несколько дней.

ШТЕФАН. Если вам так хочется сделать из меня доносчика, то будьте осторожны... Сообщить кое-что органам народного контроля социалистического государства — это не грех, а естественная обязанность граждан, что отчасти вытекает из конституции.

ВЕРА. Только эта конституция давала и вам, уважаемый товарищ директор, возможность показать себя в сложившейся трудной ситуации не только в качестве директора, но и гражданина этого города.

МИКИ. Чтобы бескорыстно помочь не органам народного контроля, а народной власти социалистического государства.

ВАЛЕНТ (Ш т е ф а н у). А ты? Что ты сделал?

МИКИ. Скрылся за предписание.

ВЕРА. И так можно.

ШТЕФАН. Конечно! Женская логика. Если бы я нарушил закон, то был бы из меня герой номер два! Возьмете у меня интервью на целую газетную полосу?

ВЕРА. Что оно вам так далось, это интервью?

ШТЕФАН. Вы думаете, я завидую?

ВАЛЕНТ. Если бы не знал тебя много лет, то, честное слово, так бы и подумал. Завидуешь Мики, и только потому, что его, молодого, люди любят не меньше, чем тебя.

ШТЕФАН. Ну, а раз ты знаешь меня давно, то, надеюсь, хоть ты не веришь, что это я сообщил в народный контроль.

ВАЛЕНТ. Что случилось, то случилось. А ответственность понесем мы все.

ШТЕФАН. Я...

ВАЛЕНТ. Хочешь сказать...

МИКИ. Он не несет никакой ответственности. Конечно, он ничего не нарушил, ничего не перешагнул. Ни закон, ни распоряжение, ни параграф... Все на его стороне.

ИЛЬЯ. Вот именно потому, что он такой, он мог бы помочь тебе именно сейчас так, как никогда раньше... Конечно, если бы захотел.

МИКИ. Илья, прошу тебя! Уйди!

ИЛЬЯ. Мики! На что ты надеешься? Думаешь, если... Знаешь, что тебя ждет? Можешь быть хоть сто раз сыном своего отца Бенедика... но на это не надейся. Жизнь — это лавина.

МИКИ. Отскочи, а че то придавит. Славируй! Ведь ты на это мастер.

ШТЕФАН. Послушай, председатель. Не знаю, что ты в данный момент обо мне думаешь...

МИКИ. Из-за этого тебе, пожалуй, не стоит мучиться.

ШТЕФАН. А если я... мучаюсь.

МИКИ. Дело твое.

ШТЕФАН. Мог бы я тебя о чем-то попросить?

МИКИ. Ты меня? В такой ситуации?

ШТЕФАН. Думай что хочешь, но поверь мне в одном. Я никогда не хотел причинить тебе зла. Я еще не разучился распознавать, с кем могу иметь дело, а с кем — нет. Кто заботится о деле, а кто ни о чем. Не раз в бессонной ночи ты являлся мне, и каждый раз, поверь мне, я больше размышлял о твоих достоинствах, чем о том, что мне в тебе не нравится.

МИКИ. А потом, когда ты конкретно мог доказать...

ШТЕФАН. Возможно, ты прав. Все мы люди. Может быть, я должен был...

ИЛЬЯ. Еще не поздно!

ШТЕФАН. А вы, пан архитектор? Что для вас главное? Собственная шкура или положение брата?

ВИКТОР. Так уж часто случается, что сухой с мокрым рядом ходят.

ИЛЬЯ. Но воду... чистую воду хотели пить все! Все, кто здесь стоит!

Явление шестое

Те же и Эва Вейедикова.

ЭВА (входит при последних словах Ильи и тотчас же подхватывает его слова). Да. Ты прав, Илья. Всем нам она нужна.

МИКИ. Мама! Ты ушла раньше времени с работы?

ЭВА. Да.

МИКИ. Первый раз в жизни.

ЭВА. Первый и, надеюсь, последний.

МИКИ. Мама!

ЭВА. Они пришли ко мне.

МИКИ. Кто?

ЭВА. Из района. Товарищи.

МИКИ. К тебе?

ЭВА. Я должна была бы тебе шепнуть на ухо или сказать с глазу на глаз. Но, может быть, так и лучше, когда столько свидетелей. Пусть знают, что у матери Бенедикровой нет тайн от собственного сына.

МИКИ. Что тебе сказали?

ЭВА. Один из них, тот, что говорил на похоронах отца, сказал, что ему очень неприятно было ехать сюда ради такого дела, но, мол, здесь у нас... Здесь в городе кто-то не может успокоиться, пишет письма, требует, чтобы твои действия проверили. Я им объясняю, что ты дал свои деньги, а они мне показывают письмо. Там говорится, что такого не может быть, что таких сумасшедших нет, которые жертвовали бы свои... А в конце письма — приписка рукой: «Приезжайте, товарищи, потому что мы, честные люди, не хотели бы, как сухой с мокрым, в одном огне сгореть».

ВИКТОР. Представьте себе. И такое кто-то пишет...

Явление седьмое

Те же и Тоика.

Тоика входит и что-то шепчет Мики.

МИКИ. Пусть войдут. Скажите им, что я их жду.

ТОНКА (чадломленным голосом). Нет. Они ждут вас.

МИКИ (после паузы). Ах, так. Понимаю. (Молча подходит к столу, запирает его, берет ключ и медленно идет к двери. Все стоят неподвижно и смотрят на него.)

Справедливые люди рассудят, кто из нас делал то, что должен был делать.

Сцена погружается во тьму. На башне бьют часы.